

**АКАДЕМИК Г.А. АРБАТОВ –
ОСНОВАТЕЛЬ ИНСТИТУТА И ЕГО ДИРЕКТОР
В 1967–1995 гг.**

© 2013 г. **В.А. Кременюк***

Институт США и Канады РАН, Москва

19 мая 2013 г. исполнилось 90 лет со дня рождения видного советского и российского учёного, основателя и первого директора Института США и Канады РАН академика Георгия Аркадьевича Арбатова. Его уже нет с нами, он умер в 2010 г. и был похоронен в Москве на Донском кладбище рядом со своими родителями. Но, как известно, крупный учёный жив и после физической смерти. Живут его мысли и дела, живут его ученики и соратники, его книги. И вообще в сфере науки и мыслительной деятельности люди не умирают, потому что то, что они делали при жизни всегда переживает их земной век. Как в положительном, так и в отрицательном смысле: человеку науки, искусства, литературы, человеку творческому надо очень строго и ответственно относиться к своим делам и словам – они ещё долго потом живут, и по ним, а не по официальным некрологам судят о деятельности ушедшего.

Г.А. Арбатову в этом смысле стыдиться не пришлось бы. Он прожил честную и плодотворную жизнь, оставил после себя крупное наследие, от которого во многом зависели и продолжают зависеть мысли людей о судьбах отдельных стран, народов, политиков. В первую очередь в России и США. Вся его научная жизнь была посвящена одному: не дать горячим головам и недалеким политикам что в СССР, что в США развязать самоубийственный конфликт; в максимальной степени содействовать прекращению бессмысленного соперничества двух великих держав – победительниц гитлеровского фашизма, добиться построения отношений плодотворного сотрудничества между ними. Разные люди в разных странах также посвятили свою жизнь этой идее, но Г.А. Арбатов не просто проявлял горячую заинтересованность в этом вопросе, он сделал его предметом научной мысли и с этой целью создал целую отрасль науки – американистику.

Научное и духовное наследие Г.А. Арбатова изучают его последователи. В Институте США и Канады ежегодно проходят "Арбатовские чтения", на которых старшее и младшее поколения сотрудников, гости Института из других академических учреждений, из МИДа, правительственных ведомств обменива-

* **КРЕМЕНЮК Виктор Александрович** – член-корреспондент РАН, заместитель директора ИСКРАН. E-mail: vkremenyuk@gmail.com

Репринт. Статья была написана по случаю 90-летия со дня рождения Г.А. Арбатова и опубликована в журнале "США ♦ Канада: экономика, политика, культура", 2013, № 10, с. 3–18.

ются мыслями по поводу наследия Георгия Аркадьевича, его идей и работ. В повседневной жизни Института и факультета Мировой политики Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), который был создан на базе ИСКРАН, наследие Г.А. Арбатова служит в качестве идейной и методологической составляющей научно-педагогической деятельности.

Сейчас с "лёгкой руки" некоторых не очень сведущих в науке, но достаточно влиятельных людей в России остро ставится вопрос об "эффективности науки". Под предлогом повышения этой "эффективности" просматривается желание вообще ликвидировать Академию наук, всё ещё стоит на повестке дня намерение лишить научный поиск материальной базы, и передать её в ведение чиновников, создать привилегированные "анклавы" научного поиска (типа Сколково). При этом сторонники так называемого реформирования далеко не всегда разбираются в том, о какой "эффективности науки" может идти речь и в чём состоит роль науки в обществе. Часто, говоря об "эффективности науки", имеются в виду появление на прилавках магазинов очередных технологических новинок (хотя это не столько результат деятельности науки, сколько продукт промышленности и торговли), различного рода "индексы цитирования", рейтинги отдельных научных центров и т.п. Хорошо, когда все эти оценки науки производятся людьми компетентными и доброжелательными. Тогда в их действиях, при всей сомнительности подобных мероприятий, есть толк. Но сплошь и рядом за такими рассуждениями стоят либо неутолённые амбиции политиков (которые и сами не прочь стать членами Академии), либо катастрофическое по своим последствиям стремление убрать с глаз долой научный анализ принимаемых решений и их последствий, иногда требующих самой жёсткой критики.

Точные науки отличаются от общественных многими характеристиками. В том числе и тем, что результаты точной науки можно взвесить, измерить, испытать, рассчитать. Область общественных наук отличается от своей точной сестры тем, что общественные науки формируют открытую Н. Вавиловым "ноосферу", уровень и систему знаний в обществе, понимание происходящих в нём процессов, эффективность принимаемых решений. И очень часто судьбы этих двух сестёр разные: в обществах авторитарного или квазиавторитарного типа точные науки если не уважают, то хотя бы не трогают, потому что на основе их открытий можно ставить задачи усовершенствования существующих вооружений или изобретения новых. А вот общественным наукам не везёт, ибо от них ожидают либо безудержных восхвалений часто весьма сомнительной деятельности правящей верхушки, либо раблепной пропаганды идей, бродящих в головах этой верхушки. Г.А. Арбатову пришлось сталкиваться с этим почти всю свою академическую жизнь. Но он, в отличие от многих его коллег, это выдержал.

Наука и политика

В последнем прижизненном издании своих мемуаров "Жизнь, события, люди" (М., Любимая Россия, 2008) Г.А. Арбатов посвящает ряд глав третьего раздела (с. 305–323 и 323–344) проблемам взаимодействия науки и политики. Он поднимает эту тему в самом широком смысле и пишет о том, как вообще знание, особенно

систематизированное, т.е. наука, влияет на поведение людей, в частности, на принимаемые ими решения и, наоборот, как эти решения воздействуют на умножение или, напротив, обеднение знаний. Но его рассуждения имеют и весьма прикладной смысл, который интересовал его всю жизнь: взаимоотношения между наукой и тоталитаризмом. По месту и времени рождения он провёл большую часть своей жизни в условиях тоталитарной системы и одновременно, как привилегированный сотрудник этой системы, имел возможность путешествовать за рубежом и посещать, в частности, изучаемую им страну, США, сравнивая свои впечатления от увиденного вдали с тем, что творилось дома.

И то и другое было для него частью объективной реальности. Он не лез грудью защищать всё, что происходило в СССР (этим занимались другие специалисты, в том числе и академики, потому что не было других способов сделать карьеру), но и не воспринимал некритично всё то, что делали в США и в Западной Европе. В конце концов и там, и там были грамотные, честные и ответственные люди, старавшиеся избегать опасных и малопродуманных действий. Но были и люди бесчестные, недальновидные, часто с очень убогим образованием (четыре класса семинарии, два года Промакадемии или же неоконченный речной техникум), сделавшие себе политическую карьеру на рискованных и опасных мероприятиях, за которые потом приходилось платить сотнями тысяч, если не миллионами невинных жертв. Поэтому задача учёного, как считал Г.А. Арбатов, состояла в том, чтобы, пользуясь своими знаниями, содействовать оптимизации решений, приносивших пользу обществу, и минимизации числа откровенно вредных решений и объёма приносимого ими вреда (если уж их не удавалось предотвратить).

В своём институте Г.А. Арбатов, в числе прочих, стремился наладить исследования проблем управления. Считал их, наряду с изучением чисто политических или военных проблем, весьма существенной частью функционирования общественной, политической и экономической жизни, без которой трудно до конца понять смысл и содержание проводимой политики. Одним из важных элементов процесса управления всегда был и остаётся до сих пор этап разработки и принятия решения – и на общенациональном уровне (правительственные решения), и на региональном, и на уровне отдельной корпорации. И этот процесс всегда состоит из пяти главных элементов: определение проблемы – объекта решения, постановка задачи, подсчёт необходимых ресурсов, разработка подходящей стратегии решения и результаты. Так или приблизительно так действуют лица и группы, разрабатывающие и принимающие решения. В том числе и в области политики. И это давно уже должно было стать объектом внимательного научного исследования.

Оценивая возможные сферы соприкосновения науки и политики, Г.А. Арбатов прекрасно понимал, что каждая из них должна была заниматься своим делом. Разговоры о "правительстве мудрецов", о том, что самое лучшее правительство "должно состоять из академиков", Георгий Аркадьевич всерьёз не воспринимал. Как и то, что многие чиновники и функционеры нового времени вдруг стали писать диссертации и претендовать на учёные степени. Учёные должны изучать окружающую среду – будь то природа или человеческое

общество – и думать о том, как можно использовать ради блага человечества результаты их деятельности, а политики – предпринимать активные действия для решения стоящих перед обществом проблем. Но ни учёные, ни политики не должны стараться преуспеть в сфере укрепления личной власти или желания увековечить своё имя в истории. И никто не должен пытаться изображать из себя "запевалу", "хозяина" страны или мира. Тогда возможно плодотворное взаимодействие между сферой знаний и сферой действий, способное более эффективно и своевременно решать проблемы безопасности, экономического и социального развития, совершенствования человеческого потенциала, сохранения народа и окружающей среды, приумножения знания.

В какой-то степени, хотя и не до конца, эти мысли появились у Г.А. Арбатова в результате наблюдений за деятельностью академических общин в СССР и в странах Запада. В жизни академических кругов стран Запада его привлекали многие стороны: независимость от правительства (хотя временами он видел, что отсутствие правительственной поддержки угрожало развитию полезных направлений, например, в охране окружающей среды), свобода высказывать критические суждения о принимаемых решениях, активная самостоятельная жизнь академических кругов, свободный доступ к информации и многое другое. Он понимал, что интеллектуальная жизнь в странах Запада отличалась от того, что делали (или не делали) их же правящие круги. Первые университеты родились в Италии, Франции, Великобритании не как прихоть властей, а как реакция интеллектуального сообщества на потребности той части общества, которой были нужны знания для осуществления своей полезной деятельности, например, купечеству или буржуазии. Сама традиция накопления знаний и их использования для подготовки квалифицированных кадров родилась и утвердилась как элемент общественного развития в передовых странах.

В России научные дела обстояли иначе. Никакое купечество не было в состоянии самостоятельно финансировать науку. Если богатым купцам и был нужен квалифицированный специалист, его нанимали за границей. В России науку продвигала власть. Пётр Великий приказал учредить Академию наук – и, ничего, учредили (хотя нынешние власти и готовы её "ликвидировать"). Его дочь, Елизавета Петровна, приказала открыть Московский университет, и тоже получилось. На средства бюджета власть организовывала дорогостоящие структуры, часто просто копируя чужой опыт, без достаточно чёткого представления о том, для чего это нужно. Но было положено начало традиции, при которой науку создавала власть, и она же была её первым и основным потребителем. Это сохранилось и в советские времена, когда тоталитарная система добралась до академических традиций и попыталась сделать из науки отдел исполнительского механизма. Особенное умиление вызывал такой орган, как отдел науки ЦК КПСС, которым руководил человек, в научных трудах не преуспевший (С. Трапезников).

Советской науке приходилось тяжело. Конечно, та её часть, которая работала на оборону, более или менее процветала. Там реже происходило "избиение" кадров, лучше удовлетворялись заявки на литературу и оборудование, чаще выписывались премии и давались награды. Но в общественных науках всё обстояло совсем по-другому – от них ждали, во-первых, научно обос-

ванного восхваления "руководящей" роли партии и её вождей, во-вторых, постоянной борьбы против "ренегатов" и "предателей"; в-третьих, наукообразного объяснения успехов и не менее наукообразного выявления тех, кто "подрывал" основы теории и практики социализма. Это же относилось и к науке о международных отношениях и к исследованиям отдельных стран. То срочно требовалось подтвердить законность "борьбы германского народа во главе с народным вождём Адольфом Гитлером против западных плутократов" (тезис видного сталинского дипломата В.М. Молотова после его печально знаменитого "пакта" с Риббентропом в августе 1939 г.). То надо было разоблачать "маоистскую суть" антисоветского курса Китая. То всплывала антисоветская политика югославского президента И. Тито. То вдруг антикоммуниста Гамалю Абдель Насера "назначали" Героем Советского Союза.

Непоследовательность и причудливость зигзагов внешней политики КПСС становились объектом защиты и восхваления наукой о международных отношениях. Особенно драматично и горько это ощущалось в таких случаях, когда недальновидно и беспринципно заключенный в августе 1939 г. договор с Германией о ненападении ("пакт Молотова – Риббентропа") развязал руки Гитлеру, генералитет которого самым решительным образом сопротивлялся перспективе войны на два фронта. Когда, наконец, после того, как гитлеровцы, не опасаясь СССР, разгромили европейские державы и почти вся покорённая гитлеровцами Европа начала работать на германскую военную машину, в июне 1941 г. вермахт вторгся в СССР, и начался период генерального отступления РККА до Москвы и Волги. Официальная советская пропаганда придумала тогда тезис о том, что этот договор якобы позволял "выиграть время", "оттянуть" сроки нападения на СССР и вообще представить это в высшей степени недальновидное решение, как гениальный стратегический манёвр и чуть ли не подвиг исторического масштаба. В качестве других примеров столь же непродуманных и опасных решений властей можно назвать строительство берлинской стены в 1961 г., размещение советских ракет на Кубе в 1962 г. и некоторые другие.

Короче, в Советском Союзе общественным наукам доставалось крепко. Социологию вообще отменили. За занятия кибернетикой давали реальные тюремные сроки. Какие-либо попытки критически оценивать состояние дел, в том числе и во внешних сношениях, жёстко пресекались. Сказать после этого, что общественных наук вообще не было, что наука о международных отношениях была просто "служанкой власти", было бы несправедливо. Где-то внутри, в стенах отдельных институтов и лабораторий, что-то делалось, накапливались знания и опыт, формировался объём знаний – не "служебных", не "для посвящённых", а, наоборот, знаний о том, что Запад, несмотря на оглушительную пропаганду КПСС, отнюдь не "загнивал" и не шёл "от кризиса к кризису". Внешний мир по мере сил и возможностей справлялся со своими проблемами и становился всё более желанным партнёром социализма, хотя бы в поставках столь необходимых продовольствия, товаров широкого потребления, бытового оборудования. Объективные нужды выживания системы социализма ставили под вопрос целесообразность продолжения курса на конфронтацию и поощряли мысли о необходимости сотрудничества и

взаимопомощи. Это стало ясно где-то во второй половине 1960-х годов, когда провал надежд на реформы советской системы, разрабатываемые под руководством Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина, заставил думать о необходимости поиска выхода из неотвратимого кризиса.

Встреча в Гласборо и создание Института

К этому времени состояние дел в области внешней политики было уже крайне сложным. Используя типичные сталинские методы планирования и принуждения, советская военно-техническая система сумела создать внушительный военный потенциал, способный сыграть роль "устрашителя" Соединённых Штатов и гаранта ненападения на СССР. Казалось бы, задача спасения отечества от возможного удара со стороны противника была решена. Но способы её решения, состоявшие в безоглядном наращивании стратегических средств (межконтинентальные баллистические ракеты, подводные лодки с ракетно-ядерным оружием на борту, стратегическая авиация), привели к такому невиданному росту числа ядерных боеголовок и средств доставки – что в СССР, что в США, при котором вполне логично встал вопрос о надёжности контроля за состоянием ракетно-ядерного потенциала и подконтрольности (дисциплинированности) тех, кто этими войсками руководил.

В 1964 г. в США на экраны вышел художественный фильм С. Кубрика "Доктор Стрейнджлав", который произвёл сильное впечатление на политиков – и американских, и советских. В фильме речь шла о том, как генерал, командующий базой стратегических бомбардировщиков США под влиянием антикоммунистической истерии ("русские идут!") утратил контроль над собой и без санкции военного и политического руководства отдал приказ своим бомбардировщикам нанести удар по территории Советского Союза. По сути, весь фильм представлял собой демонстрацию жесточайшего кризиса и попыток его урегулирования в условиях дефицита времени и доверия между противниками. Фильм заканчивался весьма тревожно: удар по советской территории всё же был нанесён, а что последовало за этим – зритель должен был домыслить сам.

Проблема контроля над собственными вооружениями (а затем, возможно, и совместного контроля над стратегическими вооружениями обеих сторон) стала рассматриваться в числе первоочередных и в СССР, и в США. Через три года после выхода фильма С. Кубрика на экраны, в июне 1967 г., в Гласборо (США) состоялась неофициальная встреча А.Н. Косыгина с американским президентом Л. Джонсоном, на которой советский лидер отнёс в сторону споры по поводу идеологии и "исторической правды" и поставил перед своим собеседником ряд важнейших практических вопросов: как избежать случайной войны. Обсуждалось на встрече и множество других важнейших тем, которые касались ответственности обеих держав за состояние мира и безопасности.

Фактически А.Н. Косыгин, предложил вообще пересмотреть стратегию "холодной войны" и перевести состояние отношений между СССР и США в разряд совместной глобальной ответственности великих держав, как того и требовал Устав ООН. Идеи, несмотря на то, что высказаны они были, каза-

лось бы "смертельным противником" Соединённых Штатов, звучали весьма трезво и своевременно (это признаёт в своих мемуарах президент Л. Джонсон). Стороны договорились начать цикл переговоров для определения повестки дня, правил поведения и результатов, которые стороны ставили перед собой в качестве целей. По сути, это и стало началом поиска выхода обеих держав из "холодной войны", хотя развивался этот процесс крайне неровно, с большими трудностями и длился, по меньшей мере, два десятилетия.

Именно в этот момент и возникла идея о необходимости создания специального Института США, реализация которой была поручена тогда ещё просто доктору наук Г.А. Арбатову. Надо отметить, что к тому времени в США уже имелись десятки различных центров, изучавших Советский Союз, его политику и идеологию, была создана наука "советология", что в целом помогало правительственным органам планировать и осуществлять на практике разработанный курс. В то время как первый (и единственный) центр изучения США в Советском Союзе был создан только через 20 лет после начала "холодной войны", что весьма красноречиво свидетельствовало об истинном отношении советских лидеров к научным знаниям вообще и об их "смертельном противнике" в частности.

Ко времени своего назначения на пост директора института, сорокачетырёхлетний Г.А. Арбатов уже прошёл определённый путь, научивший его многому, что потом весьма пригодилось в его научных трудах. В 1941 г. в возрасте 18 лет он окончил среднюю школу и немедленно поступил в артиллерийское военное училище. Учился. В ноябре 1941 г. участвовал в знаменитом военном параде на Красной площади. Затем – фронт, служба в качестве командира разведки дивизиона гвардейских миномётов "Катюша", первые награды, ранение, тяжёлая болезнь и увольнение в запас. В 1944 г. он поступил на первый курс только что открытого факультета МГУ по международным отношениям (будущий МГИМО) и закончил его с красным дипломом в 1949 г. Редактор в издательстве, научный сотрудник ИМЭМО, сотрудник международного журнала "Проблемы мира и социализма" (Прага), работник международного отдела ЦК КПСС, которым руководил тогда Ю.В. Андропов. Г.А. Арбатов был членом известной "интеллектуальной команды" ЦК, в состав которой входили Ф. Бурлацкий, А. Бовин, Л. Делюсин, О. Богомолов и другие выдающиеся интеллектуалы нашего времени. Был близко знаком с Л.И. Брежневым.

Неудивительно, что именно его рекомендовали на должность директора нового института. Г.А. Арбатов крайне серьёзно отнесся к поставленной перед ним задаче создать Институт США (впоследствии и Канады) и на его базе провести систематическое изучение Соединённых Штатов, их внешней и военной политики, экономики, внутренних процессов, культуры и идеологии. За короткий срок, всего за 3–5 лет, в рамках Института были созданы главные подразделения, привлечены молодые и перспективные специалисты, написаны первые аналитические доклады и подготовлены к печати монографии. Институт занялся глубоким и нетрадиционным изучением механизма разработки и принятия президентских решений в США, законодательных актов Конгресса, официальных документов исполнительной ветви власти.

Работа ИСКРАН

Поставленная перед Институтом руководством страны задача оказалась не просто сложной и трудной, но, прежде всего многослойной и требующей тщательного продумывания. На первый взгляд всё представлялось достаточно обыденным: "изучать новые явления в политике США", "информировать руководство", "рекомендовать позитивный опыт США" и т.п. В этом не было ничего необычного, и поставленные задачи не требовали какой-то особой научной смелости. Но, если копнуть глубже, то проблемы, возникшие в связи с созданием специального института по изучению США, оказывались неизмеримо более серьезными и требующими определённой решительности. К чему ведёт "холодная война"? Если к новому конфликту, то в чём его смысл и польза для СССР (если таковой смысл вообще имелся в эпоху ядерного оружия)? Если конфликт невозможен, если он ведёт к взаимному уничтожению противников, тогда зачем и кому он нужен? И зачем тратить огромные, баснословные средства на вооружения, на военные исследования, если вопрос о войне вызывает у обеих сторон весьма скептические мысли? Не лучше ли подумать о прекращении конфликта и использовании своего потенциала для строительства иного мирового порядка, более безопасного, в котором две сверхдержавы не позволят ни себе, ни другим добиваться поставленных целей путем насилия? И, наконец, ещё более глубокий и почти философский вопрос: а так ли уж неизбежен конфликт между капитализмом и социализмом, если даже классики марксизма-ленинизма не исключали возможности длительного периода мирного сосуществования?

Разумеется, все эти тезисы официально не вписывались в программу исследований Института США. Его непосредственной задачей было создать мало-мальски приемлемый баланс между наукой и политикой в области внешнеполитических решений в СССР и сделать определённый вклад в более точное, более разумное и более обстоятельное формирование советской политики в отношении США. Никаких "Мы вас закопаем!", никаких "Долой империализм!", в общем, никаких пропагандистских кампаний. Институт по сути дела должен был сосредоточить свои силы на выработке альтернативной, менее топорной и более грамотной линии поведения. При этом даже решения самых высоких инстанций не спасали Институт и Г.А. Арбатова лично от нападков оголтелых и самых крайних антиамериканистов в СССР. Враждебность в отношении США, всего американского, любой инициативы со стороны Вашингтона была широко распространенной модой (и во многом остаётся такой же сейчас). Отзываться положительно о США и их инициативах могло стоить партбилета или закончиться персональным делом. И в этих условиях Г.А. Арбатову надо было начинать процесс по выходу США и СССР из "холодной войны".

Понимая, что было бы в высшей степени преждевременно с самого начала ставить вопрос о целесообразности сугубо конфликтного поведения в отношениях с США, Г.А. Арбатов построил стратегию решения проблемы выхода из "холодной войны" по-другому. Для начала его институт и ведущие сотрудники, не нарушая сложившихся в советской науке о международных отношениях tradi-

ций, приучали читающую серьёзную литературу публику более вдумчиво относиться к США, их жизни, формированию политики и стратегии. Конечно, эта деятельность не исключала выхода на более широкую аудиторию, на телевидение, прежде всего. Активный сотрудник института, обозреватель советского телевидения В.С. Зорин предоставил возможность ведущим учёным института, – а, помимо Г.А. Арбатова, в эту группу входили В.В. Журкин, А.А. Кокошин, А.К. Кислов – начинать разговор с массовой аудиторией не руганью в адрес США, не бездоказательными утверждениями (типа "американцы идут!"), а с фактами на руках объясняя, что к Америке надо относиться более серьёзно и ответственно, Америку надо понимать и что такой подход отвечает, прежде всего, интересам СССР и мирового социалистического содружества.

Касательно воздействия на более образованную советскую публику, то институт и Г.А. Арбатов лично подготовили и выпустили в издательстве "Наука" несколько десятков работ под логотипом "США", в которых без передёргиваний и пропагандистского исступления исследовались различные стороны политики и экономики США, проблемы, решавшиеся американскими органами власти, ожидаемые и реальные результаты. По сути, советскую общественность знакомили с подлинной жизнью главного противника, объясняя, какие стороны жизни в Америке были устроены в интересах большинства, какие – нет, к каким следствиям это вело, какого типа и масштаба кризисы переживали США. В целом эта научная работа была ценна тем, что очеловечивала "образ врага", созданный пропагандой, и показывала, что с ним в принципе можно договориться о сосуществовании, если на то будет воля руководства (что тоже не очень нравилось наверху, так как не позволяло списать все промахи на "агрессивную природу" империализма).

Отдельным, хотя и не менее важным направлением работы Института стала подготовка и публикация "Бюллетеня США" (под грифом "для служебного пользования"), содержавшего ряд работ, в которых анализировались разные аспекты производственной и общественной жизни в США. Квалифицированные авторы знакомили читателя с новинками американской науки и практики. Здесь заметными фигурами были Б.З. Мильнер, Л.И. Евенко, Г.Б. Кочетков (проблемы управления), В.Ф. Лищенко и Б.А. Черняков (проблемы сельского хозяйства).

Более молодое поколение искрановцев использовало страницы "Бюллетеня" для публикации большой группы материалов по последним американским работам в области внешней и внутренней политики. Этот бюллетень выходил в свет раз в два месяца и рассылался тиражом 1,5 тыс. экземпляров в органы управления и пропаганды.

Отдельной, хотя и вероятно одной из важнейших областей деятельности института была подготовка аналитических материалов (записок и докладов) для государственных органов. Эти материалы затрагивали наиболее актуальные темы, связанные с внешней политикой, военной стратегией, политикой в отдельных районах мира, необходимостью реакции на те или иные события со стороны СССР. В развитии этого направления важную роль играли имитационные игры, проводимые в институте в 1972–1977 гг. при активном участии сотрудников практических ведомств и академических институтов. И отдель-

ную, наиболее важную с государственной точки зрения область деятельности института представляли личные доклады Г.А. Арбатова руководителям государства, партийным органам, академическому сообществу. После смерти Г.А. Арбатова в иностранной печати упоминался его доклад, представленный М.С. Горбачеву в мае 1985 г., который фактически положил начало политике СССР по выходу из конфронтации с США.

Если попробовать суммировать содержание научной деятельности Г.А. Арбатова в вопросах американистики, то можно выявить несколько главных направлений. Во-первых, расширение круга знаний о США среди образованной части советского общества и в том числе – руководства. Здесь надо подчеркнуть, что в целом в России (в том числе и до 1917 г.) мало знали о США, о том, что это за страна, как она живёт и чем дышит. После революции 1917 г. с легкой руки А.М. Горького Нью-Йорк (а за ним и всю страну) начали называть "городом жёлтого дьявола", подчёркивая неумную меркантильность американцев в противовес "высокой духовности" советского народа. Новые знания о США, в том числе и в высшей степени полезные для советских людей (например, знания о процессе производства), помогали осознать, что США были не только грозным противником, требующим большой осторожности, но и потенциально полезным партнёром, способным помочь Советскому Союзу решить многие из его "вечных" проблем, в первую очередь задачу обеспечения населения продовольствием и промышленными товарами.

Во-вторых, деятельность Г.А. Арбатова призывала руководителей страны к значительно более ответственному отношению к реалиям "холодной войны". Обоснованной критике подвергалась генеральская бравада, обещавшая победу в будущих конфликтах и сыгравшая роковую роль в развязывании войны СССР в Афганистане. Привлекалось внимание к существованию значительной оппозиции официальному курсу в американских научных и политических кругах (например, Дартмутские встречи). Говорилось о том, что в ряде случаев интересы СССР и США в отдельных регионах не противоречили друг другу и заслуживали более внимательного отношения (например, на стадии выхода США из войны во Вьетнаме в 1970–1973 гг.). В целом работы Г.А. Арбатова объясняли, что бездумный антиамериканизм, свойственный многим советским руководителям и рядовым членам КПСС 1940–1950-х годов, должен был смениться более взвешенным подходом, учитывавшим ситуацию взаимного гарантированного уничтожения в стратегической области.

В-третьих, в свете накапливающихся в Советском Союзе экономических, социальных и политических трудностей (о которых свидетельствовало оживление эмигрантских настроений в определённых кругах общества), в работах Г.А. Арбатова содержалось и грамотное, комплексное объяснение выгод и положительных сторон развития советско-американских торговых, экономических, научных и других связей. К концу 1970-х и началу 1980-х годов становилось ясно, что Соединённые Штаты уходили далеко вперед в развитии научно-технического потенциала и в его влиянии на общественные связи и экономическое развитие. В так и не прозвучавшем на пленуме ЦК КПСС совместном докладе академиков Г.А. Арбатова и Н.Н. Иноземцева о перспективах

научно-технической революции в СССР, большое внимание уделялось возможности не повторять уже пройденный Америкой путь и использовать американский опыт и отношения с США как средство, способное облегчить доступ СССР к плодам научно-технического прогресса.

В целом, подводя итоги значения этой части наследия Г.А. Арбатова для взаимодействия между наукой и политикой, можно сделать ряд выводов. На первом месте – необходимость ограничения эмоциональной составляющей политики (нутряной пещерный антиамериканизм) и призыв к большему упору на доводы разума и просвещения. На втором – признание важности политической сферы и даже её центрального места в человеческой деятельности в рамках рационально сформулированного научного подхода, как это делалось хотя бы в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. На третьем – каждый раз при принятии важных решений акцентирование внимания на необходимости переоценки существующих знаний, новой оценки объёма трудностей и возможностей их преодоления без ненужного пропагандистского "украшения". На четвертом – "никогда не говорить никогда", не забывать, что то, что сегодня кажется абсолютной истиной, завтра может звучать как архаическая глупость и, наоборот, то, что сегодня звучит как фантастика, завтра может стать практической задачей.

Все эти общие аспекты деятельности Г.А. Арбатова как учёного и политика более или менее известны и заслужили признание общества и правительства. Он был награждён многими дипломами и медалями, избирался членом Ревизионной комиссии ЦК КПСС и членом ЦК, депутатом Верховного Совета СССР, делегатом партийных съездов и, пожалуй, наиболее важное – участником Съезда народных депутатов при М.С. Горбачеве. Имел Г.А. Арбатов и правительственные награды. Все это подтверждает тезис о том, насколько серьёзными вопросами занимался Г.А. Арбатов как учёный и политик, и насколько высоко оценивалась его деятельность в СССР и за рубежом.

Новый взгляд: Россия и Америка

Сейчас, уже задним числом можно говорить о том, что Г.А. Арбатов посвятил свою жизнь решению весьма сложной и неординарной задачи завершения "холодной войны" между США и СССР и их выхода на отношения сотрудничества и, может быть, союзничества. Масштаб этой задачи, её значение для судеб всего человечества не просто огромны, а сверхогромны и сверхважны. И научно обоснованный подход в данном случае помогает понять первостепенную необходимость прекращения вражды и не меньшую необходимость установления сотрудничества, что тоже не очень просто сделать. Научное обоснование этой задачи требовало глубокой переоценки имевшегося в СССР на период "холодной войны" опыта и сложившихся представлений. Сохранившиеся до сего дня предубеждения, превратные представления об отношениях между двумя странами не дают большому числу людей в России поверить в возможность их пересмотра и перерождения в направлении взаимопомощи и содействия всеобщему миру и прогрессу. Безусловно, мешают также

такие низменные чувства, как зависть, недоброжелательство, стремление во что бы то ни стало причинить вред Соединённым Штатам.

Не вызывает удивления, что вообще расширение знаний в СССР о Соединённых Штатах, переосмысление исторического опыта, аргументы в пользу необходимости выхода из конфронтации стали важной частью перестановки ролей науки и политики в СССР. Переживания и ощущения многих советских людей (а также россиян), как-то заслонили собой более обширную и многообещающую историческую альтернативу тому нехорошему, что произошло в советско-американских отношениях и часто продолжает происходить между Россией и США. А ведь речь идёт о таких возможностях для мировой системы, политики и экономики, которые могли бы создать совершенно иной магистральный путь развития всего человечества.

Некоторые политики и писатели прошлого, размышляя над перспективами развития мировой системы отношений, затрагивали проблему взаимодействия между двумя гигантами евроантлантического мира – Америкой и Россией. Об этом писал француз Алексис де Токвиль. Об этом задумывался германский кайзер Отто фон Бисмарк, руководитель русской дипломатии князь Александр Николаевич Горчаков. В дневниках Наполеона Бонапарта, написанных на о. Св. Елены, также имеется упоминание о политическом значении для всего мира отношений между Америкой и гигантом, "находящимся по ту сторону Вислы", т.е. Россией. У многих из тех, кто писал о проблемах международных отношений в XIX веке, в период, когда в Европе царило затишье между наполеоновскими войнами и франко-прусской войной 1871 г., не вызывало сомнений, что Россия и Америка ещё скажут своё слово в будущем.

Взаимное тяготение и интерес обеих держав дали о себе знать в XX веке, уже в период гражданской войны в России, в 1918–1922 гг. В 1918 году американское правительство направило в российское Приморье 8 тыс. американских солдат под командованием генерала У. Грейвса. Советская пропаганда впоследствии неоднократно использовала этот факт для подтверждения участия США в иностранной интервенции в России. Так это трактуется многими и сегодня. На самом же деле американские войска не имели ни одного боестолкновения с отрядами красных партизан и не ставили перед собой задачи участвовать в гражданской войне на чьей-либо стороне. Формально они должны были обеспечить эвакуацию из России чехословацкого корпуса (что уже облегчало положение Красной Армии), а неофициально – не дать возможности Японии использовать обстановку гражданской войны в России для захвата Приморья. Впоследствии, когда отношения между СССР и милитаристской Японией обострились до предела в 1938 и 1939 гг. (о. Хасан и р. Халхин-Гол), об этом не раз вспоминали с благодарностью трезво рассуждавшие советские руководители.

В период голода в Поволжье в 1921–1923 гг. советское правительство обратилось за содействием к американской администрации по оказанию помощи (АРА), которую возглавлял тогда Г. Гувер (впоследствии 31-й президент США в 1929–1933 гг.). Несмотря на свою демонстративную нелюбовь к коммунизму и правительству большевиков, Гувер сделал очень многое для мобилизации американских продовольственных ресурсов и их транспортировки в голодаю-

щую Россию. По разным оценкам, жизни от 10 до 12 млн. россиян были тогда спасены благодаря помощи Соединённых Штатов.

Через 10 лет в период интенсивной индустриализации СССР именно США, в отличие от Великобритании и Франции, отказавших Советской России в поставках технологий, взяли на себя функцию создания советского военного потенциала. В этой операции участвовала и Германия, у которой не было тех финансовых и технических возможностей, которые имелись у США. При поощрении со стороны правительства США (дипломатическое признание Советского Союза Соединёнными Штатами состоялось только в 1933 г.) американские корпорации "Макдоннелл Дуглас", "Форд", "Фордзон", "Интерэшнл харвестер", "Дженерал электрик" и многие другие строили и оборудовали советские предприятия по производству авиатехники и двигателей, автомобилей и тракторов, электрооборудования и т.д. То, что с помощью США Советский Союз оказался технически подготовленным к борьбе с гитлеровской Германией, не вызывает сомнений, хотя в течение длительного времени это было "забыто" официальной пропагандой в СССР.

В годы Второй мировой войны, после нападения гитлеровской Германии на СССР, президент США Ф.Д. Рузвельт отдал распоряжение распространить программу "ленд-лиза" на Советский Союз, тем самым продемонстрировав готовность рассматривать советский режим в качестве своего союзника. За этим решением последовала огромная военная помощь США, включавшая вооружения (авиация, бронетанковая техника, автотранспорт, военные корабли, стрелковое и артиллерийское вооружения), боеприпасы, продовольствие, медикаменты, спецматериалы (сталь отдельных марок, авиационный бензин, каучук) и многое другое. Из США в СССР постоянно шли три потока поставок: через Северную Атлантику, Берингов пролив и Персидский залив. Планировались и осуществлялись совместные военные операции (например, действия бомбардировочной авиации против гитлеровцев в 1944–1945 гг.). В июне 1945 г. И.В. Сталин был близок к истине, когда заявил, что без американской помощи Советский Союз мог и не выиграть войну.

Одним словом, на протяжении XX века Соединённые Штаты неоднократно демонстрировали дружелюбие по отношению к России и готовность оказывать ей помощь в борьбе с внешними врагами и внутренними трудностями – голодом, болезнями, технической отсталостью. Это свойство американской политики проявилось даже в годы "холодной войны", когда в 1960-е годы перед СССР вновь маячила опасность голода в связи с неудачными попытками исправить ситуацию с продовольственным балансом в стране за счёт освоения целинных земель Южного Алтая и Северного Казахстана. В конце 1960-х годов Соединённые Штаты согласились осуществлять ежегодные поставки американского зерна в СССР в размере 7–12 млн. т. Согласились США и на совместные работы в освоении космоса.

Пожалуй, наиболее ярким свидетельством заинтересованности США в создании дружественных связей с Россией можно считать то, что произошло уже после развала Советского Союза. Во-первых, США безоговорочно согласились на то, чтобы Россия стала единственным наследником СССР в качестве ядер-

ной державы и постоянного члена Совета Безопасности ООН. Во-вторых, Соединённые Штаты активно поддерживали идею приёма России в группу высокоразвитых держав – "семёрку", ставшую после этого "восьмёркой". Эти факты достаточно красноречиво свидетельствовали о том, что, вопреки многочисленным и сомнительным утверждениям антиамериканской пропаганды о том, будто США хотят "раздробить" Россию, сделать её размером с Московское княжество, на деле в Вашингтоне хотели бы видеть в России сильного и дружественного союзника, вторую опору мирового порядка.

Данная линия аргументов подчёркивает тезис о возможности, достижения союзнических отношений между Россией и США. Разумеется, речь не идёт о какой-то готовой формуле, которая могла бы помочь установлению такого уровня и качества контактов в ближайшем будущем. Наоборот, поиски оптимального формата заняли бы многие годы, а может и десятилетия, если бы обе стороны согласились добиваться именно такого типа взаимодействия. Но сама по себе задача полной перестройки отношений органично вписывалась в работы Г.А. Арбатова и служила путеводной нитью его научной и политической деятельности.

В начале данной статьи уже говорилось о научных подходах Г.А. Арбатова и его деятельности на посту директора ИСКРАН, а также подчёркивалось его видение политического процесса в целом и в частности того, как готовятся и принимаются решения на уровне государственных учреждений. Так вот, не вмешиваясь в прерогативы государственных органов и признавая их безусловный приоритет в формировании политического курса, академик Г.А. Арбатов считал, что имеется ряд этапов этого процесса, которые не могут и не должны проходить без участия науки. Его убеждённость в этом была настолько сильна, что в начале 1990-х годов он пошёл на риск вызвать недовольство высокого начальства (в данном случае – президента Б.Н. Ельцина), когда увидел, что президент принимает важные решения, игнорируя позиции компетентных и опытных экспертов, к числу которых относился и сам Г.А. Арбатов. Его отставка из президентского совета в 1994 г. была предсказуема, но он пошёл на неё, отстаивая свои принципы.

Г.А. Арбатов считал, например, что сама формулировка проблемы, по которой необходимо принять решение, должна сопровождаться глубокой научной проработкой. Если обратиться к истории отношений с США, то нельзя было начинать курс на конфронтацию с Америкой, как это сделал в конце 1940-х годов И.В. Сталин, без тщательного изучения этой темы представителями науки. При всем уважении к опыту и знаниям ведущих политиков, никто из них не является специалистом в тех вопросах, которые создают проблему, и поэтому, прежде чем сформулировать её на государственном уровне, обязательно должно быть проведено углублённое её изучение учёными специалистами. Однако слишком часто личные или групповые интересы наверху оказываются сильнее любых разумных доводов. И сейчас можно видеть, как в результате стремления отдельных деятелей, так и не сумевших перестроить мышление после завершения "холодной войны", рушатся стратегические перспективы отношений с этой страной, без которых России вряд ли выжить в качестве современной технологически развитой державы.

Практически равным образом постановка задачи решения обозначенной проблемы не должна происходить без учёта мнения специалистов. Только они, а не услужливый бюрократический аппарат, способны дать наиболее точную рекомендацию, что делать с проблемой, стоящей в повестке дня: если решать, то как, какого результата добиваться. Только после этого можно и нужно определять, какие имеются ресурсы для достижения поставленных целей и что надо предпринять дополнительно, чтобы покончить с проблемой. В этом наука, скорее всего, может оказать косвенное воздействие, например представив политикам какой-либо новый подход. Но в целом обычно политики лучше знают, что у них имеется в запасе. В разработке стратегии решения проблемы учёные, как правило, могут либо предложить вниманию практиков какое-то иное, более адекватное видение проблемы, либо проанализировать пример решения аналогичной проблемы в другое время и в других обстоятельствах. И, наконец, оценивая результат всего этого процесса, учёные должны иметь возможность критически оценить его успех (или неуспех) и сделать свои замечания.

Все эти общие положения имеют прямое отношение к тому, чем занимался почти всю свою академическую жизнь Г.А. Арбатов. Он считал абсолютно неприемлемым, чтобы политика в отношении США становилась заложником либо низменных эмоций завистников, либо экстаза идеологических догматиков, либо необдуманных действий безответственных людей, готовых ради личной карьеры принести в жертву интересы страны, связанные с модернизацией и технологическим перевооружением, что практически недостижимо без добрых отношений с США. Г.А. Арбатов не был оптимистом, рассматривавшим весь спектр советско-американских отношений сквозь розовые очки. Он понимал, что между обеими странами могут быть добрые отношения, но путь к ним будет чрезвычайно труден.

Сейчас прошло уже более двух десятилетий после окончания "холодной войны". Все эти годы США и Россия стремились с разной степенью интереса и добросовестности построить новые отношения, в которых были бы задействованы механизмы сглаживания и разрешения противоречий, формирования общих взглядов на происходящее на международной арене и в отдельных странах, выработку общих подходов. В каких-то случаях это получалось, в каких-то – нет. В целом надо признать, что определённую формулу взаимодействия, которая устраивала бы обе стороны и отвечала бы их целям и интересам, создать так и не удалось. Отношения неровные, поддаются влиянию конъюнктурных факторов, очень часто оказываются на грани возобновления "холодной войны". Ясно, что в политике обеих сторон по отношению друг к другу имеются существенные недостатки, не дающие возможности расширить сферу конструктивного сотрудничества. Перед новым, более молодым поколением американистов, воспитанным в духе арбатовских идей, стоит задача разработки рекомендаций по строительству отношений между США и Россией, которые отвечали бы чаяниям и надеждам старшего поколения, ярким представителем которого был Георгий Аркадьевич Арбатов.